

Сергей Александрович Есенин

ТЮМЕНЬ Литературная

Сергей Есенин — воюющий поэт! Он стоит на рубежах великой русской культуры. Через его слово не проползет ни один нарушитель, ни один предатель. Трепетным светом он овнажит и покажет их лживое обличье своему народу.

В. Сорокин

Газета русской литературы и культуры

RUSSIA № 2 (83) 2005 г. TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

Это десять лет со дня рождения
великого русского поэта

Сергей Есенин

* * *

*Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Всё пролетело... далече... мимо...
Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!*

Октябрь. 1925 г.

*Сергей Есенин не столько человек,
сколько орган, созданный природой
исключительно для поэзии...
М. Горький.*

БЕССМЕРТИЕ ПОЭТА

Покуда жива на земной планете Русь, Россия, Русская земля – в своём величии и страданиях, в своих возвышенных трудах, подвигах иль в горестных, но все же временных бедах, она будет поклоняться своим истинным поэтам.

Покуда жива народная душа, в своих глубинных недрах она будет рождать талантливых песнопевцев. Так пришли в земной мир гении Русской земли Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Тютчев... Так пришел выдающимся явлением народного духа, русской поэзии, в серебряный век литературы русской, на страшном изломе эпох – Сергей Есенин.

Мы все, ныне живущие в России, в той или иной мере, современники Есенина. Слишком близким еще, по историческим меркам, находится от нас век двадцатый, в первой четверти которого жил и творил свои стихи и поэмы Есенин. Слишком кровоточат еще раны того, есенинского, времени, несколько утихшие и зарубцевавшиеся к исходу века, и вдруг пронзенные новыми ударами недругов Русской земли, погрузившими Россию в новый хаос-смуту, с изощренным криминальным бандитством.

Мне не просто произносить эти слова, более подходящие к милицейской лексике, поскольку я и мои ровесники, мои собратья по перу, по лирическим рифмованным строкам, немалую часть жизни прожили в достаточно умиротворенные («застойные») времена, начинали так же, как наш старший гениальный брат, сочинять о «березках», об «алом цвете зари», о «песне соловья», о «снежных вихрях» нашей малой сибирской родины.

Но вдруг подкралась на звериных лапах пора этой криминальной революции конца 80-х, начала 90-х, и наиболее стойкие, наиболее честные, несгибаемые духом творцы лирических строк, как бы заново для себя открыли Есенина, его «кабацкую Русь», его «Железный Миргород», его «Пугачёва», его «Страну негодяев»...

Ах, родина! Какой я стал смешной.

На щеки впалые летит сухой румянец.

Язык сограждан стал мне как чужой,

В своей стране я словно иностранец.

Конечно, Есенин в своих гениальных прозрениях, хоть порой и мучаясь и не понимая «куда несет нас рок событий», ошеломленный кровавым раскладом двадцатых годов в России, деяниями тех, кто оседлал революцию, в которую поверил поэт и воспринял на свой «крестьянский лад», очень скоро по-бунтарски выразил это время и в «Пугачёве», и в «Стране негодяев». В последней особенно, за которую не простили ему правды ни троцкие, ни бухарины, ни свора новопостовских и других бандитских сил, ненавидящих русских и саму Россию, её свободолобивый дух, её литературу, культуру.

Какой «новый мир», который замыслили создать идола, ненавистники русского духа, оседлавшие, как сказано, революцию 1917-го, Есенин понял и разгадал, собственно, испытал его на своей судьбе.

«Рыцарь революции» Лейба Давидович Бронштейн-Троцкий (по воспоминаниям Арона Симановича) говорил в ту пору: «Мы должны превратить её (Россию) в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страш-

ным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в тесном контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма, и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного оупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках – часовых дел мастера из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!..»

Приводя эту пространную цитату-откровение вселенского беса, хочу еще раз достучаться до читателя мыслящего: каков он был бы конечный итог борьбы, противостояния того времени – сторонников Троцкого и Сталина? Победы тогда Троцкий!? Нет, не получилось у вселенских бесов, «хитрый, коварный азиат» одолел Троцкого и его сторонников в этом противостоянии, «увенчав» его 37- годом! В том числе – ценой многих и многих жизней русских и других народов России, нередко пострадавших безвинно в этом противостоянии.

Понимаю, некоторым не нравится сие умозаключение. Что ж... Пора научиться мыслить и думать легковверным соотечественникам...

Есенин. Невыразимо горько представлять сегодня – против какой своры острил он свое перо, пронзительные строки! Читатель должен в этой связи припомнить «Злые заметки» Н. Бухарина, появившиеся уже после гибели, после убийства Есенина. «Коля-балаболка», как называл Бухарина даже его идейный соратник Троцкий, попытался вытравить и память о поэте. Издание книг его было уже под запретом...

«Коля-балаболка», а по признанию другого вождя революции – «любимец партии», по истечении лет, (кажется, в 1989-м), новоявленными, воспрянувшими при горбачевской «перестройке» бесами воссиял на первой полосе «Тюменского комсомольца», принявшего низвергать тогда и оплевывать достойных русских поэтов, авторов патриотических изданий, в частности, «Нашего современника», «Тюмени литературной», «Пульса Тушина», тогдашней (сафоновской) «Литературной России».

Кому не ясно – откуда вновь подул ветер «перемён»? К сожалению, многим соотечественникам было неясно. Печальней было то, что опять подвела Русскую землю, крупная часть «гнилой интеллигенции». (Ныне она «прозрела» и также немалым числом ладится в патриотические ряды, чуть ли не тесня тех немногих, кто не «ссушился» еще в начале бесовской «перестройки»).

(Окончание на 4 стр.)

Одним из таких витязей, борцом за русское дело, был поэт Иван Васильевич Лыццов. Он занялся тогда кропотливой работой по выявлению документов и свидетельств, подтверждающих причину истинной гибели Есенина, точнее, его убийство в ленинградской гостинице «Англетер». Именно – убийство, а не самоповешение, о чем твердил в своих книгах авторитетный «есениновед» Ю.Прокушев, не говоря уже о многих других лжесвидетелях, толковавших о смерти великого поэта, скрывая правду.

Первые главы еще не законченной Лыццовым книги «Убийство Есенина», которая вышла в Москве накануне столетней годовщины со дня рождения Есенина, были опубликованы в «Тюмени литературной» в начале 90-х, вызвав бешеное злопыхательство известной публики.

Когда мы вновь встретились с Иваном Лыццовым, на сей раз в Москве, книга уже увидела свет, поэт нашел доступный в ту пору способ её распространения, чтоб «покрыть» расходы на издание: выступал с чтением стихов на Ваганьковском кладбище у могилы Есенина, где всегда многолюдно и звучат стихи. Несколько раз Лыццов получал наставительные «советы» – прекратить чтение, а также распространение книги. Подходили с угрозами. Наконец в один из дней молодчики эти избili Лыццова, отобрали нераспроданные книги и деньги...

Не забыть еще одну памятную нашу встречу. Тринадцатого января 1994 года. Мы побывали тогда в мастерской русского скульптора Федора Викулова, полную «невостребованных» новым временем работ мастера-патриота, где на нас глядели выразительные лики Дмитрия Донского, Александра Невского, героев Бородина, советских прославленных маршалов, русских писателей, художников, деятелей искусства, культуры. У скульптора приближался высокий юбилей. Приходили гости, соратники. Забежала «взять интервью» журналистка какой-то либеральной газеты, с нескрываемым ужасом в глазах оглядела работы мастера, промолвила пересохшими губами – «Не могу! Они на меня давят!» – выскочила вон, не прикрыв массивной двери старинной мастерской, что в самом центре Москвы, у стадиона «Динамо»...

А мне вдруг припомнилось есенинское:
Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись, проклятый враг.
Тебе грозит судьба расплатой
За каждый твой неверный шаг.

И другое. Теперь уже – с сарказмом:
Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.

Вечером мы попрощались с Иваном Васильевичем у подъезда его дома в Юго-Западном районе Москвы. Он сминал снежок, грустно глядел своими синими есенинскими (и сам был похож на Есенина) глазами, а я уходил к станции метро, чтоб добраться до Казанского вокзала... В апреле пришла страшная весть из Москвы: Лыццова убили... Как нередко случается в эти годы, убийц не нашли...

А книга поэта вот сейчас передо мной:

«...Были ли у нас попытки открыто сказать об убийстве Есенина в прошлом? Сразу после гибели поэта в ленинградской «Красной звезде», редактировавшейся Г. Устиновым, писатель Борис Лавренёв обнародовал свою «гневную» статью «Казненный дегенератами». Она была снабжена эпиграфом из стихотворения М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта»:

И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Пафос и нацеленность этого отклика заслуживают особого внимания. «Мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни (!) правду и назвать палачей и убийц палачами и убийцами, черная кровь которых не смает кровавого пятна на рубашке замученного поэта...» – заканчивает свою статью литератор.

Б. Лавренев был в разгромленной комнате поэта в «Англетере» и, может быть, даже снимал убитого Сергея Есенина с трубы из-под потолка, куда его водрузили мучители. И он, конечно, знал, о чем хотел «сказать раз в жизни»: очевидно, что были имена убийц. Однако на «кровавом пятне на рубашке замученного поэта...» статья Б. Лавренёва и оборвалась, «палачи и убийцы» названы им не были, «выстрел» в защиту «казненного дегенератами» был сделан холостым патроном... Что же произошло, как и с анатомом Гиляревским, и с литератором Лавреневым? Неужели на абзаце с именами палачей был поставлен жирный редакторский крест, и автор многозначительного по своей символике знаменитого рассказа «Сорок первый», как и Г. Устинов, унес их вместе со своей гражданской совестью и мужской смелостью в могилу, затруднив тем самым нашу с вами задачу, – отыскать правду в архивах и своих логических догадках?..»

Но правда была сказана в книге И. Лыццова, моего товарища и соратника по поэтическому цеху. Да, ценой жизни.

Таким был и сам Сергей Александрович Есенин, открыто и честно говоривший о времени, ярко, пронзительно, неповторимо образно, как единственно, может, произошло на Руси за минувшее с его гибели неполное столетие...

Россия, Русь богата талантами. Несмотря ни на что. И талантливому всегда трудней, потому что он честен, в силу нравственных качеств не пойдет на сговор ни с жульем, ни с бесами, ни с приспособленцами.

Но если оглянуться назад – в российскую глубь, то не сложно заметить, что и при царях и при генсеках (я, к примеру, не разделяю русскую историю по идеологическим окрасам) литература всегда была делом государственным. Не так нынче при «демократии». Писатели, поэты вне зоны внимания, наш прежний Союз писателей превращен в «общественную организацию», до которой мало дела кому-либо из властвующих «демократов». Прекращена финансовая поддержка Союза, будто пишущий народ занимается коммерцией, а не созданием культурных ценностей. Госдума сознательно торозит принятие закона о статусе творческих организаций. Сознательно! Замалчивается, не приветствуется истинно талантливое и патриотическое. На телеэкранах, на подмостках сцен, орудуют новые бесы, «творцы» паскудства, безнравственности. Государственная премия номер один была вручена обветшалому, как его старый портфель, скучнейшему одесскому хохмачу Жванецкому... О чем говорить?

Гений поэта Есенина одолел запреты, гонения, хулу, наветы. Русский народ горячо прижал к груди его небесные томки стихов с гравюрной березкой по синеве обложек. И уже никогда не выпустит, не отдаст на растерзание, как когда-то не сумел уберечь терзаемого недругами, завистниками, болями эпохи, страны, своего льнокудрого, голубоглазого песнопевца.

Николай Денисов.

«А в сердце светит Русь...»

Сергей Есенин

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы, свищут вёрсты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих золотых коров.
1917

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых ценят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым её животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хаткой
Одним из её щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля.
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.
1915

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я – крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стын и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Ни одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

Каждый труд благослови, удача.
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов.
Из кувшинок также можно пить –
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, втяваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд,
ревнивый и влюблённый,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я – крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный,
я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.
Июль. 1925 г.

Мне грустно не тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только жёлтый тлен
и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отишим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.
1923

Шюменъ литературная

«Дайте Родину мою...»

Николай Кузин

Пятьдесят пять лет назад живший в эмиграции известный русский поэт Георгий Иванов в статье «Сын» страшных лет России писал:

«Без сомнения, Есенин — очень талантливый поэт. Но так же несомненно, что дарование его нельзя назвать первостепенным. Он не только не Пушкин, но и не Некрасов или Фет. К тому же ряд обстоятельств — от слишком легкой и быстрой славы до недостатка культуры — помешали дарованию Есенина гармонически развиваться, и в его литературном наследстве больше падений и ошибок, чем счастливых находок и удач» (См. «Русский рубеж». Специальный выпуск «Литературной России». № 3.).

Нынче такие слова о гениальном русском поэте читаешь с явным недоумением.

Современник Сергея Есенина Георгий Иванов — сам поэт, как говорится, милостью Божьей и человек европейски образованный, смотрел из «интеллектуальной кельи» своей несколько свысока на многих собратьев по цеху, а в Есенине видел лишь даровитого, но малообразованного самородка, хотя и признавал в нем «наследника Пушкина наших дней». Тут какое-то неизъяснимое противоречие, грани чаще с эстетической абберрацией, и такое можно, пожалуй, понять только при одном условии: образ Есенина-человека, оставшийся в памяти его современников, вероятно, крепко довлел над ними и, прежде всего, как образ человека молодого, задиристого, горячего, не очень-то благоговевшего перед своими же молодцами, но «учеными» коллегами-поэтами, а потому и вызывавшего у последних нередко столь сильное раздражение, что они не смогли преодолеть его и в пору умудренной зрелости. Этот образ (ответ какой-то личной «некомфортабельности» при общении с Есениным заметен и в статье другого крупного русского поэта Владислава Ходасевича «Есенин», опубликованной в том же номере газеты «Русский рубеж», что и статья Г. Иванова) заслонил в некоторой степени от многих есенинских современников красоту и мощь музы поэта, ставшей вслед за пушкинской тоже «эхом русского народа».

О Сергее Есенине написаны груды книг, все стороны его бурной, но до обидного короткой жизни, можно сказать, обследованы с дотошностью, равновеликой следовательской. Подобные биографические изыскания, безусловно, заслуживают серьезного внимания, ибо значительно расширяют наше представление о жизни и творчестве великого русского поэта, но сам Есенин скептически относился к житейским подробностям, которые на виду и на слуху, потому как полагал, что они играют отнюдь не главную роль в становлении духа ху-

дожника. Не случайно в последней автобиографии, написанной незадолго до кончины, он ограничился кратким перечислением некоторых жизненных своих эпизодов, заметив в конце:

«Что касается остальных автобиографических сведений, — они в моих стихах».

А стихи поэта — это и есть жизнь его духа, его судьба. Начав слагать свои первые наивные песни в девятилетнем возрасте (Есенин родился 3 октября 1895 года), осознав в себе нечто вроде Божьего поэтического призвания в пятнадцатилетие, он писал в свои девятнадцатилетие:

Чую Радунцу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между ёлок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус...

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный зырок,
Завладел моей дорожкой,
Заглушил мой слабый крик.

Льётся пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

Это, если хотите, уже мировоззренческая позиция, заявленная с той обнаженной искренностью, которая прежде всего и отличает есенинскую интонацию от всех прочих.

И потому я никак не могу согласиться с В. Ходасевичем, который категорически утверждает в упомянутой выше статье: «Начинающий Есенин — полужызычник... Говорить о христианстве Есенина было бы рискованно. У него христианство — не содержание, а форма, и употребление христианской терминологии приближается к литературному приему».

Мне уже доводилось полемизировать по этому поводу в печати, и я снова хочу повторить, что уже в ранних стихах поэта его «диалог» с Богом — далеко не литературный прием, а факт духовного презрения, определивший всю дальнейшую жизнь поэта, включая и периоды его «сатанинских» загулов, выливавшиеся порою в демонстративное богохульство. Но именно только демонстративное, демонстративное (вот тут действительно можно говорить о литературном приеме), потому что в душе поэта навсегда прочертилась и никогда не зарастала только та дорога, которую он опять же обозначил в исповедальном «Чую Радунцу Божью...», а затем подтвердил в пору

зрелости: «Гений для меня — человек дела, как Христос».

Возрают: а как же относиться к утверждению самого Есенина в предисловии от 1 января 1924 года к первому тому своих сочинений:

«Я вовсе не религиозный человек и не мистик... Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим матерям и Миколаям, как к сказочному в поэзии».

Относиться к такому есенинскому «открещиванию» от религии следует, учитывая не только общественно-политическую атмосферу той поры, когда это предисловие писалось, но и многозначность слова поэта, утверждавшего: «Слово, прорывающее подпокрышку нашего разума, беззначно». То есть Есенин, говоря о своей формальной антирелигиозности, никогда не отторгал от себя Господа как единственного кормчего человечества на тернистой дороге бытия. А потому-то

Но и всё ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за всё благодарю.

Благодарение явления жизни — это и есть акт неразрывности с Богом-Творцом, придающим смысл нашему существованию.

Тайна и магия воздействия есенинского слова неотразима — это признается теперь всеми, хотя далеко и далеко не все в состоянии объяснить истоки такой неотразимости. Много писали о неповторимом лиризме стихов Есенина, пронизанных распахнутой светоносностью согретых нежной любовью к родной земле, ко всему живому, и прежде всего — любовью и милосердием к человеку как высшему Божьему творению («Потому и дороги мне люди, что живут со мною на земле»). Да, Есенин, как никто, умел сказать завораживающие слова и о «шестой части земли», что воплощала для него Родину большую, и о родине малой, что на Рязанщине, в Константинове, где прошли детство и юность поэта. Он, пожалуй, первым из русских поэтов довел до осязаемой слитности искусство литературного слова и слова народного, выверенного в песнях, сказаниях, пословицах, поверьях, в неповторимой образности, про которые, он сказал в своей программной теоретической работе «Ключи Марии», размышляя над сущностью словесного искусства:

«В наших песнях и сказках мир слова так похож на какой-то вечно светящийся Фавор, где всякое движение живет, преображаясь... Обогащение сил природы, выпсанное лицо ветра, именем Стрибога или Борей в наших мифологиях земного шара есть нечто иное,

как творческая ориентация наших предков в царстве космических тайн».

Но, по Есенину, многозначность народного слова ещё далеко не исчерпала себя, она хранит ещё бездну нераскрытых тайн.

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебной под сводом
Надломлена твоя луна...

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизречённостью животной
Напоены твои холмы.

Под «неизречённостью» Есенин метафорически видел неисчерпаемый духовный потенциал своей великой Родины – России, Руси, любовь к которой пронизывает все произведения поэта. Он жил и творил всегда с высоким чувством сознания неразделимости своей судьбы с судьбой Отечества.

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

А почти десятилетием раньше он писал:

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стёжку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.

Как разнится сыновний голос Есенина с риторическими заклинаниями иных стихотворцев, лишенных подлинного чувства Родины и прикрывающих свою космополитическую сущность браваурной патетикой типа «Всегда стремишься ты в высоту. С тобой, Отчизна, и я расту» и т.п. И какая в этом голосе страстная уверенность, какое нежно-целомудренное признание, которое произносится разве только что возлюбленной или матери. Можно сказать, что Есенин не просто трепетно любит свою Родину, он её боготворит, прямо-таки до иконописи обожествляя лик её.

Загорятся как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей...

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела моя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

И какая потрясающе точная «портретная» характеристика Родины!

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.

Поэт ничуть не смущается некоторыми образными повторами, напротив, он словно бы нарочито «дразнит» нас ими. Но если у стихотворца-ремесленника самоперепевы чреватые обернуться назойливой тавтологической «кашей», то у такого органического художника, как Есенин, они только усиливают изобразительную палитру.

О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку, –
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску.

Есенинские признания в любви к Родине-матери наполнены поражающей исповедальной интимностью, но в то же время поэт горделиво, «во весь голос» не переставал прямо-таки вещать о своем патриотизме, потому как замечал у многих своих собратьев не только притупленность, но и полное отсутствие такого чувства. Он с горечью видел, что у поклонников «революционного интернационализма» нет ощущения слитности с отеческим гнездом, что чувство кровной связи с Родиной для них стало чем-то вроде рудимента. И потому набатно провозглашал вопреки всяким заманчивым разглагольствованиям о «всемирном братстве»:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»...

А когда в России началась братоубийственная бойня после большевистского октябрьского переворота 1917 года (Есенин на первых порах горячо приветствовал размах революционных преобразований, полагая, что они приведут к воплощению его надежд и мечтаний о справедливом устройении общества), поэт, чье сердце как бы самим Богом предназначено к состраданию и милосердию, неожиданно заговорил жёстко и резко:

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.

Смею утверждать, что глубокое разочарование в революции («...ведь идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал...») прежде всего и главным образом «укрепило» дружбу Есенина и с «хулиганствующими» литераторами вроде А. Мариенгофа, В. Шершеневича и послужило толчком к созданию таких стихов, как «Исповедь хулигана», «Джон

дик мокрыми метлами чистит...», надрытого «Сорокоуста» с прелестным образом «смешного дуралея, красногривого жеребёнка», азартно скачущего за бездушным чугунным поездом цивилизации. Скепсис и разочарование в последующих революционных «деяниях» большевиков, несмотря на искреннее стремление поэта поладить с последними, привели затем к созданию пессимистического цикла «Москва кабацкая», поэмы «Чёрный человек»...

О том, что Сергей Есенин – непревзойденный певец русской природы, о том, что его любовь к необъятным просторам «страны берёзового ситца» буквально пропитывает произведения поэта, сказано так много, что, пожалуй, и нет нужды варьировать эту тему. Отмечу лишь одно: вся пейзажная лирика Есенина напроць лишена созерцательности, она одухотворена, очеловечена, наполнена той органической слитностью природы и человека, когда выражаясь словами другого великого русского гения Фёдора Тютчева, «...любовью воздушн растворен, //И мир, цветущий мир природы, //Избытком жизни упоён».

Не касаясь я и таких эпических произведений Есенина, как поэмы «Пугачёв», «Страна негодяев», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», «Анна Снегина», «Чёрный человек»; опускаю и программные, на мой взгляд, произведения, в которых заметны, так сказать, богореческие интонации («О Русь, взмахни крылами...»), «Ирония») – я писал об этом подробно в статье «Чую Радуну Божью...»; не затрагиваю конкретно его поистине колдовских стихов, воспевающих любовь к женщине, потому как обо всём этом в нашей критике, во всех работах, посвящённых творчеству Есенина, сказано предостаточно, порой даже с излишним многословием. В заметках своих я стремился обратить внимание на духоподъёмную силу есенинской поэзии, столь необходимую нам в эпоху сатанинского разгула духовного порабощения нашей Отчизны.

Сергей Есенин – этот, по словам Горького, «...не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия...», был и остаётся поэтом-духовидцем, изначально и до конца жизни следовавшим главному предназначению:

Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Просветлённая ласка есенинской поэмы – громадное национальное достояние, помогающее нам оставаться людьми, воспринимающими жизнь не только разумом, но и взволнованными сердцами, «...чтоб душа, как бескрылая птица, от земли улететь не могла».

г. Екатеринбург.

«ОН – Надежда. Он – Русь.»

Николай Клюев

ПЛАЧ О ЕСЕНИНЕ

Из поэмы

Помяни, чертушко, Есенина
Кутьей из углей да омылков банных!
А в моей квашне пьяно вспенена
Опара для свадеб
да игрищ багряных.

А у меня изба новая –
Полати с подзором,
божница неугасимая.
Намел из подлабочья ярого слова я
Тебе, мой совенек,
птаха моя любимая!

Пришел ты из Рязани
платочком бухарским,
Нестираным, неполосканным,
немыленным,
Звал мою пазуху улусом татарским,
Зубы табунами, а бороду филином!

Лепил я твою душеньку,
как гнездо касатка,
Слюной крепил мысли,
слова слезинками,
Да погасла зарная свеченька,
моя лесная лампадка,
Ушел ты от меня
разбойными тропинками!

Кручинушка была деду лесному,
Трепались по урочищам
берестяные седины,
Плакал дымом овинник,
а прясла солому
Пускали по ветру,
как пух лебединый.

Николай Рубцов

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серёга,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

Борис Прутеров

* * *

Ах, какая смешная потеря!
С. Есенин

Он живет под покровом
Тополиных ветвей,
Возле песни и слова,
Молодой соловей.

Соловей – эхо солнца
И далекого дня,
Из которого соткан
Мир любви и огня.

Мир горячей утраты, –
Сколько в жизни утрат...
Был когда-то богатым,
Оттого не богат.

Потому знаю душу
От себя вдалеке,
Так приди и послушай
Голос мой на реке.

Слушай сколько угодно,
Ты услышишь с земли
Звуки, ставшие плотью,
Что на руки легли.

На степные закаты
В жарком, буйном хмелю.
Я не буду богатым,
Потому что люблю.

Нежным светом вишневым,
От ручья до ручья,
Весь я в чувства закован
Вон того соловья.

В небе чисто и чутко,
С высоты, как до дна,
Заливается дудкой
Мать моя – тишина!
1965

Владимир Семенов

ЧУТЬ-ЧУТЬ ЕСЕНИНСКОЕ

Синь да облако... Сияя,
Лес таит свои пути.
Это Русь моя родная –
Углич, Тверь, Москва, Путивль...

Лес, рябинами разгроздьясь,
Предлагает свой размах.
Я ведь знаю, отчего здесь
Ключья сена на ветвях.

Это узкие проселки,
Где проехали года.
Это ели, это елки
Новогодние всегда.

Над рекой стоят чертоги,
В чистом инее мосты.
Я ведь здесь не по дороге,
Не до дня, не до черты.

Я ведь все-таки крестьянин,
Если глубже поглядеть.
Я большой любовью ранен:
Хлеб, земля, железоз, медь.

Храмы, белые от стужи,
Розовые от зари.
Невысокие снаружи
И огромные внутри.
1979

Виктор Бокс

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

На Ваганьковском кладбище
осень и охра,
Небо – серый свинец
пополам с синевой.
Там лопаты стучат,
но земля не оглохла –
Слышит матушка
музыку жизни живой.

А живые идут на могилу Есенина,
Отдавая ему и восторг, и печаль.
Он – Надежда. Он – Русь.
Он – её Вознесение,
Потому и бессмертье
ему по плечам.

Кто он?
Бог иль безбожник?
Разбойник иль ангел?
Чем он трогает сердце
В наш атомный век?
Что все лестницы славы,
Ранжиры и ранги
Перед званьем простым:
Он – душа-человек!

Всё в нем было –
И буйство, и тишь, и смиренность.
Только Волга оценит такую гульбу!
Не поэтому ль
каждое стихотворенье,
Как телок, признавалось:
– Я травы люблю!

Он – её Вознесение...»

И снега, и закаты, и рощи, и нивы
Тихо, нежно просили:

– От нас говори! –
Не поэтому ль так
охранял он ревниво
Слово русское наше,
светившее светом зари.

Слава гению час незакатный
пробыла,

Он достоин её, полевой соловей.
Дорога бесконечно нам эта могила,
Я стою на коленях и плачу над ней!
1965

Анатолий Переврсов

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕЛЕ

Села давнишний житель...
С. Есенин

Кричит петух
Рассветный и охрипший...
Чуть шевелит
солону ветерок...

Кричит петух
И бьёт крылом по крыше –
Роняет утро
Белое перо.

Кричит петух...
И вот из дальней дали
Пахнет дымком
И сеном тишина,
И всем,
О чем воспоминанья стали
Как сон неясный,
Как обрывок сна.

Сейчас туда
Ползет туман из балки...
Белеет пруд
И лысая гора...
Там никого.
Ни деда и ни бабки
Нет у меня,
Ни отчего двора...

Забыв о том,
Как сеяли и жали,
Давным-давно
Мои отец и мать
Из деревеньки этой
Убежали,
Едва-едва успели убежать.

Тогда в деревне
Начиналась смута,
И с правдой
Перемешивалась ложь.
Кому-то захотелось
Слишком круто
Судьбу крестьян
Перемолоть, как рожь...

А по всему
Голодному Поволжью
Смерть
От села ходила
До села,
И люди гибли,
Пали под вошью,
И дальше
Вошь тифозная
Ползла...

.....
Какие бури
В мире просвистели,
Каким железом
Век мой прокричал!..
И вот в душе
Чуть слышно
Еле-еле
Запел родник –
Начало всех начал.

И вот над краем
Дорогим и милым
Кричит петух...
Ах, петя-петушок,
Как скинуть он старается
Над миром
Свой золотой
Свой бедный гребешок!

Кого зовет он так
По белу свету.
Как будто знает –
Песнь его слышна,
И понимает –
Русскому поэту
Нужна земля
И Родина нужна.

1970

Николай Денисов

Эх, дорога моя осенняя,
Ну куда ты меня зовешь?
Нынче я заболел Есениным,
Не уедешь и не уйдешь.

Не излечит ни друг, ни женщина.
Все земные тцеты слабы.
И не тот уж я деревенщина.
Чтоб не чувствовать глас судьбы.

Из печалей я радость выковал,
Вот уж тесно словам в груди.
Клён есенинский слёзы выплакал,
Просит: только не уходи!

Эх, дорога моя осенняя...
1962

Облака плывут над Мадрасом,
На Бомбей плывут, на Шираз.
Черным хлебом и редькой с квасом
Пахнет море в вечерний час.

Далеко до родной Тюмени,
До любимой в ночном окне.
И волнует опять Есенин:
«Может, думает обо мне...»

1985 Индийский океан

Иван Лисцев

Ты опал, отщелестел, Есенин,
Словно осень, буйно отпылал.
Был ты, как Буслаев, непоседлив:
Коль не хулиганил, так певал.

А и в чем твоё и хулиганство?
В том, что песнью бил по головам
Одержимых выхваляю и чванством,
Чей удел – Россией торговать?!

Торговали, брат мой, торговали.
Продолжают нынче торговать.
На Руси студеном перевале
Столько их, что всех не сосчитать.

Только водкой делу не поможешь –
Лишь врагов своих же насмешишь.
Да еще число могил умножишь
Выбитых же ими из-под крыш!..

Отдыхай же с верою, Есенин:
Витязи становятся в полки.
Пусть еще мы знаемы не всеми.
Русичи, да мы ли не крепки?!

С темных вод лесной твоей Мещеры.
С Ладоги ли, с Дону ли, с Оби –
Мы грядем не бить на разговоры, –
Песни петь – как Родину любить!

1989

Сергей Есенин
СТРАНА
НЕГОДЯЕВ

(Из поэмы)

Замарашкин

Что же делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год!

Отвратительный год!

Это еще ничего...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам Год!
Скверный год!
Отвратительный год!
И к тому же еще чертова выюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумашедший мельник.
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...
А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давать под топор...

Замарашкин

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты
Настоящий жид.
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.

Чекистов

Ха-ха!
Ты обозвал меня жидом?
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет.
Потому что...
Потому что хочу в уборную.
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...

Сергей Есенин

Вступление

(к сборнику «Стихи скандалиста»)

Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. Есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смелого произнесенного мной слова, а на читателе или на слушателе. Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия...

20 марта 1923. Берлин.

Дама с лорнетом

(Вроде письма. На общеизвестное)

Когда-то я мальчиком, проезжая Петербург, зашел к Блоку. Мы говорили очень много о стихах, но Блок мне тут же заметил, вероятно по указаниям Иванова-Разумника: «Не верь ты этой бабе. Её и Горький считает умной. Но, по-моему, она низкопробная дура».

Это были слова Блока. После слов Блока, к которому я приехал, впервые я стал относиться к Мережковскому и к Гиппиус — подозрительной. Один только Философов, как и сейчас, занимает мой кругозор, которому я писал и говорил то устно, то в стихах; но всё же Клюев и на него составил стихи, обобщая его вместе с Мережковскими.

— Что такое Мережковский?

— Во всяком случае, не Франс.

— Что такое Гиппиус?

— Бездарная завистливая поэтесса.

В газете «Ес!ег» Мережковский называл меня хамом, называла меня Гиппиус альфонсом, за то, что когда-то я, пришедший из деревни, имел право носить валенки.

— Что это у вас за гетры? — спросила она, наведя лорнет.

Я ответил:

— Это охотничьи валенки.

— Вы вообще кривляетесь.

Потом Мережковский писал: «Альфонс, пьяница, большевик!»

А я ему отвечал устно:

— Дурак, бездарность!

1925

Ответ «Новой вечерней газете»

Каково ваше материальное положение?

Хотелось бы, чтобы писатели пользовались хотя бы льготами, предоставляемыми советским служащим. Следует удешевить писателям плату за квартиры. Помещение желательнее пошире, а то поэт приучается видеть мир только в одно окно.

1925

Россияне

Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем.

Тяжелое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей. Которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть перед искусством.

Выработав себе точку зрения общего фронта, где всякий туман может казаться для близоруких глаз за опасное войско, эти типы развили и укрепили в литературе пришибевские нравы.

— Рр-а-сходись, — мол, — так твою так-то! Где это написано, чтобы собирались по вечерам и песни пели?!

Некоторые типы, находясь в такой блаженной одуре и упокоенные тем, что на скотном дворе и хавронья сходит за царицу, дошли до того, что и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора.

Сие относится к тому типу, который часто подписывается фамилией Сосновский.

Маленький картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь же близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подшве его сапога, трубит почти около семи лет всё об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна и что личности попутчиков подлежат весьма большому сомнению. Частенько ему, как Видоку Фиглярину, удается натолкнуться на тот или иной факт, компрометирующий некоторые личности, но где же он нашел хоть один факт, компрометирующий так называемых попутчиков? Всё, что он вскрывает, он вскрывает о тех писателях, которые не имеют ничего общего с попутчиками.

В чем же, собственно, дело? А дело, видимо, в том, что, признанный на скотном дворе талантливым журналистом, он этого признания никак не может добиться в писательской и поэтической среде, где на него смотрят хуже, чем на Пришибева. Уже давно стало явным фактом, как бы ни хвалили и ни рекомендовали Троцкий разных Безыменских, что пролетарскому искусству грош цена, за исключением Герасимова, Александровского, Кириллова и некоторых других, но и этих, кажется, «заехали» — как выражается Борис Волин, еще более кретинистый, чем Сосновский. Бездарнейшая группа мелких интриганов и репортерских карьеристов в: винула журнал, который называется «На посту»...

1924

Сергей Есенин, 1925 г.

Есенин

(Образ русской души)

Сергей Вуклов

...Что касается Пушкина – тут вроде бы всё ясно: дворянская, высокообразованная по тому времени семья, прекрасная домашняя библиотека, с детства французский язык и, значит, – европейская литература и культура, затем привилегированное, единственное в России, учебное заведение с обязательным преподаванием поэтики, теории стихосложения... В какой-то мере ясно и в отношении Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого...

И вдруг – Есенин!

И где! Даже не в захудалой барской усадьбе – в низенькой хатке в деревенской глуши... Какая сила, чей перст пометил именно его кудрявую голову в ватаре голопузых, с цыпками на ногах и соплями на рукавах ребятишек? Самые неподходящие условия, казалось бы, для произрастания такого редкого для деревни «овоща», как поэт.

Притом с двух лет без пригляда отца и матери – на полном попечении деда и бабушки, неграмотных и чересчур религиозных даже для того времени, не имевших и отдаленного понятия о бесценности поэтического дара. Им и во сне не снилось, что русоловый их внучек может стать сочинителем, славы России, славой, которая достигнет даже запредельных стран.

Дед, узнав ненароком, что у внука «проснулся» сочинительский зуд, сказал (по воспоминаниям поэта):

«Пустое дело...

Ну, а если тянет –

Пиши про рожь.

Но больше про кобыл».

Правда, главными поначалу «воспитателями» были не дед да бабушка, а озорные, неперебродившие еще, дядя – взрослые парни, на беду неженатые. Курчавый, верткий, как лось, и остроглазый племянник был для них как игрушка, как кутенок для забавы. «Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..»

Есенин, с присущей ему способностью врубать в строку самое главное, самое яркое, привел именно этот эпизод в автобиографии, и мы легко дорисовываем в воображении ту обстановку, в которой он рос и воспитывался, еще совсем мальчонка.

А после – отроком – подле бабкиного подола он семенит и семенит босыми ножонками по горячей пыли сельских проселков, ведущих к издали видневшимся белым колокольням церквей да монастырей: бабушка на все богомолья таскала внука с собой...

Говорят, литература и искусство играют огромную роль в воспитании человека, формируют его характер, облагораживают душу, а поскольку человек живет не сам по себе, а в обществе, значит, формируют нравственную атмосферу общества, нормы общественной морали, да, это так, если отбросить некоторые преувеличения, допускаемые в рассуждениях на эту тему.

Но зададимся другим вопросом: а что формирует душу самого поэта? Ведь она не есть нечто раз и навсегда данное, неизменное. Да, отмечена природным даром. Да, впечатлительна, чутка, отзывчива, прозорлива... и что там еще? Но в природном своем состоянии она... ну, как бы получше сказать? – она, как хороший, сделанный замечательным мастером музыкальный инструмент, но пока еще не настроенный...

Настройщиком будет сама жизнь. Всё, буквально всё, что увидит, услышит, перечувствует, переживет поэт – с самого раннего детства и до конца своих дней, – будет формировать его душу, его характер, его, если хотите, мировоззрение.

Для юного Есенина не прошли даром неспешные, рука об руку с бабушкой, переходы от монастыря к монастырю, все новые и новые встречи с кроткими, худо одетыми, но не ропущими на судьбу странниками и странницами; переходы, когда можно было и к людям приглядеться («Лица пыльные, загорелые./ Веки выглодала даль») и притчу послушать («Шел господь пытаться людей в Любви...»), и полюбиться, растянувшись на траве, причудливым перемещением облаков и звезд («На вет-

ке облако, как слива./ Златится спелая звезда») и полыханием зорь над полями («И неволью в море хлеба / Рвется образ с языка: / Отелившееся небо / Лижет красного телка»).

Да мало ли что захватывало воображение отрока, в полном смысле открывшего мир, мудрое величие природы, её целесообразность, её красоту. Мы не знаем, какие стихи первыми сложились в сердце С. Есенина, – а сложились они, когда ему было девять лет, о чем свидетельствует он сам, – но вот что сказало, вырвалось из груди, как диво, в 15 лет:

Там, где капустные грядки

Красной водой заливают восход,

Кленёночек маленькой матке

Зелёное вымя сосет.

Восхитительно! Потому что очень похоже... А вот о стогах: «Церквами у прясел / Рыжие стога». И опять ведь очень похоже, тысячи раз всеми видено, а запечатлено впервые им.

Короче говоря, юношеские стихи С. Есенина свидетельствуют о том, что картины природы для него были теми дрожжами, на которых восходила его поэзия. Его глаз был удивительно цепок, а язык неподражаемо изобретателен, ёмок, даже афористичен.

Очень рано проявилась у него склонность к образному видению мира и стала, в конце концов, одной из самых ярких отличительных черт его поэтического дарования. Будучи уже вполне зрелым поэтом, он написал:

«В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и... образность...» И далее, что весьма существенно, добавил: «Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза...»

Для нас очень важно это замечание, прежде всего как аргумент в разговоре о национальном своеобразии литературы, которой мы постоянно ведем на страницах нашей литературной печати.

Чуть позже, как отголосок путешествий с бабушкой по монастырям, он напишет строки, в которых будет уже не только образ природы, но и глубокое чувство, и в этом чувстве, пусть пока нечеткий, расплывчатый, но вполне различимый, проглянет образ Руси, образ русской души:

Счастлив, кто жизнь свою украсил

Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,

Живя без друга и врага,

Пройдет проселочной дорогой,

Молясь на копны и стога.

Велико было влияние бабушки и деда на юного поэта, и не диво, что религиозные мотивы долго находили отражение в его стихах. О ветре, например, у него написано так: «И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу». С точки зрения поэтической образности это, конечно, прекрасно, как прекрасен в этом ряду и такой образ:

Я вижу – в просиничном платке,

На легкокрылых облаках,

Идет возлюбленная мати

С пречистым сыном на руках.

Имея в виду эти и подобные им стихи, С. Есенин в «Предисловии» написал: «Литературная среда 13 – 14 – 15 годов, в которой я вращался, была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабушка, поэтому стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем смаком, от которого я отпихиваюсь сейчас руками и ногами».

Кто же были эти «толкователи»?

В первую очередь, конечно, Н. Клюев, с которым свет молодого поэта С. Городецкий, почувствовав, видимо, поэтическую близость их, духовную родственность: религиозная символика, христианская мораль преобладали в стихах Н. Клюева. Внимание, которым окружил он молодого собрата, – понял, видно, с каким редким самородком свела его судьба! – льстило, конечно, С. Есенину, и, на первых порах, по-юношески пылкий, он придавал установившейся дружбе явно преувеличенное значение и не преминул выразить это в стихах:

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

Как видим, поэт не был неблагодарным к «наставникам», а к Н. Ключеву – особенно. Обращаясь к своей крепнущей день ото дня Музе, он с восторгом напоминает ей: «Апостол нежный Ключев / Нас на руках носил».

Ясно, что хотел от юного «брата» апостол – религиозной мистики, христианского смирения, слезных вздыханий о тщете жизни. Но есенинский дар, есенинская натура не укладывались в эти рамки. Это чувствовал Ключев, чувствовал и сам поэт. Свою Музу он благодарит не за кротость, не за смирение, а «за то, что празник светлый влила» она в его молодую грудь.

Твердо ощущая под собой землю, полон уверенности в себе добавляет:

Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

В образной структуре его стихов медленно, но неуклонно начинает брать верх крестьянская основа. Например: «За ровной гладью вздрогнувшее небо / Выводит облако из стойла под уздцы».

Даже обращение к возлюбленной, рисуя её будущее, если она ошибется в выборе, он не находит более сильного сравнения, чем, например, такое: «А другой изомнет и забросит, / Как изъеденный сырьё хомут».

И вот, лет через пять, когда будут написаны уже такие крупные вещи, как «Пугачов» и «Страна негодяев», в которых поэт окончательно освободится от религиозной символики, обратился к осмыслению исторических судеб Родины, тот путь, к которому склонял его «монашья мудр и ласков» Ключев, увиделся ему во всей своей ничемности и мелочности. И стихи «наставника» показали теперь ему довольно скупными и необязательными:

И Ключев, ладожский дьячок,
Его стихи, как телогрейка.
Но я их вслух вчера прочел –
И в клетке сдохла канарейка.

Не было недостатка у молодого поэта в «наставниках» и другого толка. О них он, с присущей ему откровенностью, скажет потом:

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то, как надо не умеют.

«Наставники» эти особенно активны были в то время, о котором Блок сказал: «Ветер, ветер – На всем божьем свете!» С. Есенин об этом времени написал: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном»...

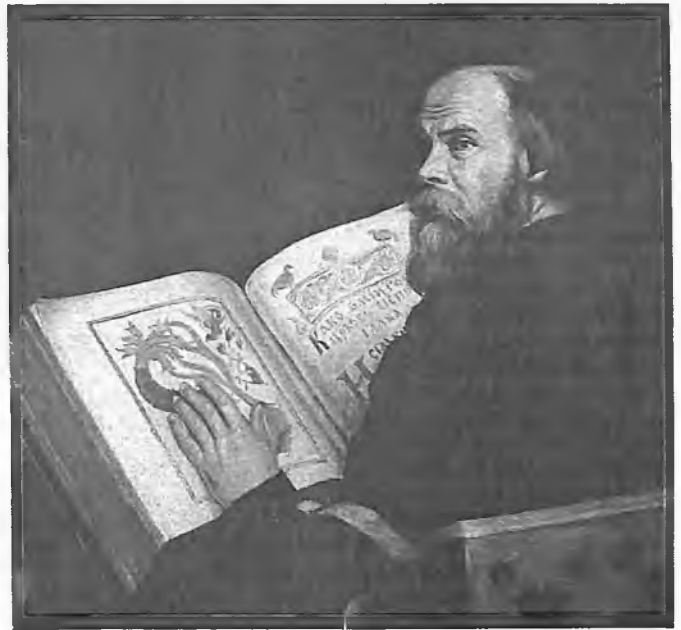
Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.

Позже сам он с безжалостной иронией скажет об этом времени:

Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая.
Волнуясь сердцем
И стихом.

«Орал петухом», может быть, потому, что не осознал еще до конца к тому времени непреходящую художественную ценность «лирического чувствования», реальной, а не надуманной основы поэтического образа, конкретности деталей в стихах и беспечно отказался от них, поддавшись всеобщей моде, – к счастью, ненадолго. Поэтическое чутье скоро подсказало ему, что его сила (как и вообще сила поэзии) все же не в громких словах, не в гиперболах вселенского масштаба, не в лозунгах, пусть и броских, правильных, а в «лирическом чувствовании», – повторю снова собственный вывод поэта.

(Из книги «На русском направлении».
Москва, 2002 г.)

Поэт Николай Ключев

* * *

Сергей Есенин

Из поэмы «ПУГАЧЁВ»

Уральский каторжник

Хлопуша

*Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Пётр,
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солонце рыл глазами удачу.
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепями дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце
никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря
красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб,
к истоциненным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.*

✪ ✪

Юность литературная

Белая вьюга

Валентин Сорокин

Талант рождается один. Растет один. Творит один. И часто – воюет за признание один. Но талант не одинокое существо. Талант – вещий инструмент в руках народа, которым он, народ, измеряет жизнь, себя и время. Все на родной земле для таланта: прошлое, настоящее, будущее. Все для таланта: совесть, честь, правда:

Думы, мои, думы!

Боль в висках и в темени.

Промотал я молодость без поры,
без времени.

И:

За зная вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ла-Манша.

Слово Сергея Есенина – нравственный закон. Есенин в слове, как звезда в небе, рожденная атмосферой дали, высоты и глубины. Сергей Есенин, щемяще родной и справедливый, не мог быть кривлякой-модником, не мог он быть и циником-ветрогоном.

Легко не ссориться. Легко не защищать. Легко иметь покладистое поведение, веселое брюхо и оптимистический облик. Легко, но легко для неталантливового. Сытость и Есенин – вечные враги. Краснбайство и Есенин – вечные недруги. Нам просто принять:

Ветры, ветры, о снежные ветры,

Заметите мою прошлую жизнь.

Я хочу быть отроком светлым

Иль цветком с луговой межи.

Сергей Есенин, что тебя, родной, так гнетет, так мучит?.. Тайна жизни, горе и радость, загадка смерти, любовь и ненависть: их никуда не денет поэт, и сам от них никуда не спрячется.

И небольшие поля, на которых шумят березы, и холмы, уходящие в глубь вековую, и река, повитая синью, и облака, плывущие над землей, – все это близкое, свое, вечное, Имя этому – Родина. Отечество, Россия...

Лебединым криком и туманами отплакала древняя Рязань, крестами и пожарами означились её веси. На каждую травинку – по ордынскому копыту, на каждый дом – по черному пепелищу. Но – выдюжила, выросла, ратная и былинная, дала миру славу, поставила ему богатыря-Коловрата.

Не соловьиный перелив, не голос черемухи, а чистый пронзительный, обжигающий зов человека услышали мы:

Курит облаком болото,

Гарь в небесном коромысле.

И:

Тоскуют брошенные пашни,

И вянет, вянет лебеда.

Рязань!.. Мальчик, юноша, молодой поэт, он встречает октябрьскую встряску восторженно, как встречают долгожданную грозу, смахивающую с земли жаркую накипь:

Дай с нашей овсяной волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.

Поэт и слово – все равно что роцца и птицы. Глуха роцца без птиц, неинтересна. Поэт без слова – улей без пчел. А слово – история. Слово – философия, натура народа. Нет плохих народов. Нет народов неискренних, неталантливых. Сергей Есенин искренен искренностью своего народа, талантлив его талантливостью.

Любовь народа к поэту Сергею Есенину есть истина, а не любопытство к его быту и биографии. Никому не нужен поэт-сирота, никому не нужен поэт-бродяга. И ни один народ не нужен поэту-сироте, поэту-бродяге. И ни одна чужая речь не пленит поэта, если он изменил своей. Слова-изменники – не слова. Поэты-изменники – не поэты.

Гори, звезда моя, не падай.

Роняй холодные лучи.

Ведь за кладбищенской оградой

Живое сердце не стучит.

Недаром – из пепла и крови, из огня и дыма революции, как багряный клок, как огненная рябина, вспыхнула, поднялась и затрепетала на ветру звонкая есенинская лира. Через свист мокрогубых шарманчиков, через гарцевитые фуражки и папахи, через личные смятения и драмы, травли и утра ты – встает поэт, говорит поэт:

На заре, заре

В дождевой крутень

Свистом ядерным

Мы сушили день.

Невозможно ныне ни одному литератору миновать крутые тропы гения. Невозможно. Расстояние между юностью и зрелостью, молодостью и мудростью, добром и злом – каменные скалы. По этим скалам, кровавая пальцы, пробирался поэт, неся к пушкинским вершинам любовь и нежность. Он, Сергей Есенин, познал движение страсти и слова, испытал согласие духа и воли. Такие люди не часто приходят на землю, но остаются на ней навечно...

Впечатление – будто эти липкины, эти блюмкины, эти роги, эти левиты, эти бухарины, эти троцкие с двадцатых и тридцатых годов дремали, как заметенные снегом змеи, а теперь вот выползли и зашипели...

А зависть какова? Сергею Есенину Богом дан не только великий талант, но и удивительный образ – нежный, красивый, вдохновенный.

Да, Сергей Есенин поверил в революцию, но кровь, закипевшая на русских просторах, ошеломила поэта. А нам сейчас, нам в кого верить? В

свежего кормчего? В съезд депутатов? В законы, роящиеся густо, густо, как мелкие кустарниковые комары на закате июльского солнца? Зудят и роятся, зудят и роятся.

Во что же верить? Но верить-то необходимо. Во что? Одна у меня теперь вера – мать-Россия! И я не стыжусь этой веры.

Как не стыжусь и той, униженной с трибун упитанными марксистами-ленинцами и прорабами-демократами, свежими слугами, отдающими жизнь, как те, прежние, капля по капле, народу, всю, без остатка, – на роскошных дачах, в пузатых бронированных автомобилях, в кабинетах, преемственно икающих икрою. Не стыжусь. Вера – не долг, а соизмерение будущего с настоящим.

Пророчество поэта – угадывающий взгляд на свою судьбу, на судьбу своего поколения, на судьбу своего народа из тех буревых дней. Надо обладать гигантской концентрацией света – способностью обобщений на катастрофическом переломе, способностью из кипящего колдоворота событий выхватить на мгновение то, что еще лишь «брезжит», далеко, что еще лишь процеживается твоим ощущением:

Я покинул родимый дом,

Голубую оставил Русь.

«Я последний поэт деревни...»

«Каждый сноп лежит, как желтый труп», «Словно хочет кого придушить руками крестов погост», «Здравствуй ты, моя черная гибель, Я навстречу тебе выхожу!», «Как и ты – я, отвсюду гонимый. Среди железных врагов прохожу», «Как и ты – я всегда наготове, И хоть слышу победный рожок, Но отпробует вражеской крови Мой последний, смертельный прыжок», «Я такой же, как вы, пропащий, Мне теперь не уйти назад», «Что-то всеми навек утрачено»...

И – драматичнее, драматичнее, фактовее, фактовее:

Гармонист с провалившимся

носом

Нам про Волгу поёт и про Чека.

«Ты Рассея моя... Рас... сея...»

Азиатская сторона!» А «Рас...сея...» – Рассея. Имя девушки, женщины, бабушки рассеянной, так в деревнях называют неумех, забывчивых, доверчивых и надеющихся на чужую доброту, а вдруг – обман, вдруг – трагедия. И – Рос. И – Рассея, Россия наша, Русь.

«Были годы тяжелых бедствий, Годы буйных безумных сил», «Как в смиренную рубашку, мы природу берем в бетон», «Прощай, Баку! Тебя я не увижу». «Не вернусь я в отчий дом», «Плачет и смеётся песня лихо-

вая. Где ты, моя липа? Липа вековая?», «В своей стране я словно иностранец»...

* * *

Пил Есенин? Пил. Запоем слёзы русские пил. Пил запоем русскую нищету. И «погиб» не от водки, а от русской крови, пущенной из сердца русского народа троцкистами и ленинцами: что те, зачинатели, что эти, их испровергатели, одинаковые: жесткие, бездарные и чужие...

Есенин же, уверяю, пил гораздо реже и меньше тех и этих, кто выслеживал его, брал на карандаш, подсчитывал рюмки поэта... Где они, счетчики его жизни, его поступков и тостов? Пыль. Смахнуло их время, и если бы они не таскались по закоулкам, не прятались за спиной поэта, не высовывались бы между поколениями, сексоты нам на Есенина, их никто бы никогда не заметил, не вспомнил о них.

Уверяю: Есенин пил русское горе, все восемь собственных томов он выпил, едва дожив до своего тридцатилетия!.. Почитаешь воспоминания о нем, даже тех, кто любил и понимал его, и видишь: каждый из них пишет свое «родноразовое» впечатление. А в году-то более трехсот дней, да и сознательное профессиональное движение поэта к мастерству и славе не год, а годы и годы. В них, в годах и годах, труд Есенина и труд.

Сегодня, когда кремлевские преступники тайно от нас продали в Беринговом море нефтеносные русские острова, рассекли наш народ, миллионы и миллионы русских лишили семейного и отеческого очага, как не повернуться к Есенину, «нащупавшему» грядущую банду правителей, «прорабов и агентов влияния» – от Горбачева, Яковлева, Шеварнадзе, Ельцина и до Коротича, Евтушенко, Бурлацкого?

Сегодня Ленин, «подаривший» Финляндию и Польшу, сегодня Хрущев, «одаривший» Порт-Артур и Крым, – робкие предтечи развала, а рыцари разгрома великой державы они: Горбачев, Яковлев, Шеварнадзе, Ельцин, Кравчук, Шушкевич и т. д. Сегодня беспощадный Сталин – собиратель земель славянских, Мономах, объединитель...

Поэт – боль и предчувствия, предчувствия неотвратимой беды. Не её ли пытаемся мы превозмочь и сегодня? «Дайте Родину мою!», «Откуда закатился он, Тебя встревоживший мятежник?», «Россия, сердцу милый край! Душа сжимается от боли. Уж сколько лет не слышит поле петушьё пеньё, песий лай», «А ночью выплывет луна. Её не слопали собаки: Она была лишь не видна Из-за людской кровавой драки», «Я помню только то, Что мужики роптали, Бранились в черта, в Бога и в царя».

Сергей Есенин – в нас, в наших страданиях, как нам спасти пашню, крестьянство, русский дом? Поэт искал «корабль» судьбы России в стихах времени, «Где каждой щепке, словно кораблю» – простор. Но простор – буревой, простор – шторм и кровь. Шторм, срывающий национальные, хозяйственно-порядковые, духовно-нравственные якоря. Есенинский простор – пахать, сеять, жать.

Впереди – чудовищные пожары, столпотворения в голодных городах и селах, истребления русских доносами, расправами, сталкивание их с «утопанных площадок», пускание их по ветру. И сам поэт – на «мушке»...

Охуливание Сергея Есенина – охуливание нас. Клевета на Сергея Есенина – клевета на нас. Ненависть к Сергею Есенину – ненависть к нам. Борьба за Сергея Есенина – борьба за русских, за русскую жизнь, за «корабль» судьбы России:

Родимая!

Ну как заснуть в метель?

В трубе так жалобно

И так протяжно стонет.

Захочешь лечь,

Но видишь не постель.

А узкий гроб

И что тебя хоронят.

Похоронщики Сергея Есенина – похоронщики русских. Они и «бригады» их – сытые и жестокие хриstopродавцы, лакеи подачек, и сайки, мелкие, неуловимые и прожорливые.

Сидит Есенин на пляже в Америке. Дункан – с ним. Пожухлая, но активно сопротивляющаяся линянью Айседора. Встрепенется – юная. Земля и небо поладили – родили её под мерцающим зарю, и первый вздох ветра закрыл её и понес в танце: выросла в музыке и в движениях.

А Сергею Есенину тошно. Холёные курортники. Холёные виллы. Холёные кушания. Песок – холёный. И ветер – холёный. Даже заря – холёная. Понурился. И золотые кудри рассыпались. Куда заехал. Кому нужен? О ком затосковал?

Америка посылает в Россию куртки, штаны, шапки... Россию – разкогтили: не пашет, не сеет, не жнет. Врагов народа сыщики обнаруживают на безбрежных просторах. Врагов – уйма, веси – непромеряемые ни колесом, ни прибором... Угля, железа, алмазов – гребни экскаваторами.

А время бежит. Спицы мелькают. Телега погромыхивает. Паровоз дымом разбрасывается по рязанским луговинам и взгоркам. Бежит время. День – в день. Ночь – в ночь. Тошно.

И слышит Есенин – не песок шуршит, не вода шумит, не Америка блаженствует, а Россия кричит: огненные пули свистят и листву на березах прошивают, а русская кровь у порога отцовского дома красным озером пле-

щет. Домой – дрогнуло сердце. Домой – скорее.

Ну и вернулся бы домой. Да... По вечерам – совы молчат. Мыши замирают. Зарево полыхает над Окою, и ни песен, ни молитв. Церкви – взорваны. А по хуторам –obeliski. Дешевые, заржавленные. Вместо детей –obeliski. Вместо стариков –obeliski. Мы уничтожены. На пирамидках – имена, фамилии, а люди-то где? Люди – в братских курганах...

Вернулся Сергей Есенин – погибших считать, а их мать давно сосчитала и оплакала. И – вьюга белая ей помогла: воеет и снегом заметает – глухо.

Песок золотой. Жаркий. Виллы золотые. Браслеты и серьги из чистого золота. Золотая и бриллиантовая Америка нищим подает консервы и порошки... А за древним Константиново – звон топора на белой вьюге скачет: мать поэта в лес за дровами пробилась, холодно.

Стук. Стук. Стук. Взмахивает топором бабушка Татьяна. Взмахивает. Взмах – год. Взмах – год. Бежит время. А над могилкой Сергея Есенина, сына её голубоглазого, белая вьюга метет или Айседора в белом платье танцует?

А топор стучит. А в доме нетопленном – ледок в ведрах плавает. Лесник идет. Грузный. Грозный. Чужой...

– Кто там?

– Я...

– А, ты, ты поэт кулацкая мать? Запрещаю!

Зимой – дров не руби. Летом – траву не коси. И это мы – русские. Мы – богоизбранные. Мы – разинцы, суворовцы, мы, а не евреи, мы, а не сионисты, мы, позволившие помыкать нами, растаптывать нас каждому чиновничьему каблук!

А весною по рязанской земле – белые яблони качаются. И так они цветут, так они задыхаются и шелестят, веют порошей белою – Есенин с головой тонет, а мать и совсем не видеть, и даже топора не слышно. Вьюга, белая вьюга, куда он заехал, куда ты летишь?..

(Из книги «Крест поэта». Москва. 1998 г.)

ПОЭТЫ С БЕРЕГОВ НЕВЫ

Николай Астафьев

ПРИСТАНИЩЕ

Тот трюм был –
Русским кабаком.

С.А. Есенин

День без ливней, без потрясений.
Солнце брызжет в прорехах туч...
С днем рожденья, Сергей Есенин, –
До чего же ты, брат, живуч!

Устилает дорожки сада
Разметавшаяся листва...
Вечным жителем Петрограда
Быть сулят тебе небеса!

Посиди, отдохни, подумай.
Оглянись на блеснувший путь,
И, очнувшись все в том же трюме,
Почитай нам чего-нибудь!

3.10.1995

Таврический сад

ОДИНОКАЯ ГВОЗДИКА

...чти и меня в груди...
С.А. Есенин

Как капля крови –
красная на белом –
Гвоздика одинокая горит.
Она еще завянуть не успела,
А мрамор о печальном говорит,
И вновь напоминает о потере,
И в сердце вновь по-зимнему сквозит
От мысли,
что в холодном «Англетере»
Повешен был российский наш Пиит.

...Поблизости прижился некий
«бутик» –
какой-то новомодный магазин:
рекламный щит –
весь траурный по сути –
как будто ради фарса рядом с ним.
...И вроде, день рожденья у Поэта,
но заползает в грудь мою тоска:
стоит в глазах моих гвоздика эта
и эта белоснежная доска.

3.10.1996

Малая Морская улица

Сергей Скаженков

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Капель звонких звук весенний
Слышу, радуясь до слез.
Я стихи твои, Есенин,
Что прочел, в душе унес.

И стихов твоих созвучья
Повторяю каждый день.
Я люблю в них грусть, невучесть
И томительную звень.

Я люблю размах широкий
Рифмы звучной и простой.
Ты, Есенин, дней далеких
Удивительный герой.

Шорох листьев – шум осенний
Слышу, радуясь до слез.
Я стихи твои, Есенин,
Что прочел, в душе унес.

ЕСЕНИНСКОЕ РЕШЕНИЕ

Из Москвы кабацкой
Я домой хочу.
Этот бред дурацкий
Дома залечу.

Не хочу скитаться
По домам Москвы.
Не сносить мне, братцы,
Буйной головы.

Я настрою душу,
Радость позову.
И поеду слушать
Мудрую сову, –

В край родимый, близкий
Правды испросить.
Снять костюм английский
И косить, косить...

Брошу трость и шляпу.
Вся душа в тоске.
Вновь собачью лапу
Подержу в руке.

Убегу в раздолье
Сбросить маяту...
Без тебя мне, поле,
Жить неволю!

Борис Майкин

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

Ваганьковский погост
хранит в тиши
Все доброе
о каждом человеке,
Но кто нам боль утраты
заглушит –
О всех ушедших в мир иной
навеки?..
И о Тебе –
веки никогда
Не возместит утраты
тленной данью.
В день роковой
нагрянула беда:
Враги исполнили
преступное заданье...

Петропавловская
крепость

Ни обелиска стынувший гранит,
 Ни памятник,
 поставленный в Рязани,
 Ни современников Твоих
 сказанья –
 Неповторимого Тебя –
 не повторит...
 Ты в сердце русском –
 вечно будешь жить,
 И Твоему огню – всегда гореть!
 ... Суметь такую б память
 заслужить!
 Суметь бы так –
 бессмертно –
 умереть!..

1963

*Николай Рязков***ЕСЕНИН**

Купил цилиндр,
 Взял в руки тростку,
 И все ж остался кем и был,
 Поскольку русскую берёзку
 Нежней, чем женщину, любил.

Не над рязанскою ль избою
 Шумел вороний черный грай?
 Никто, никто с такою болью
 Так не оплакал милый край.

Что слава нам его хмельная?
 Буянил, зная наперед,
 Что все простит земля родная,
 Что только Родина поймет...

*Алиса Манцова***ШАГАНЭ**

Засверкало кафе «Шаганэ»
 Близ Литейного ловчей манной.
 Кто шагает, подмяв панель,
 В твои чары
 сквозь бряк карманный?..

Зря на вывеске плачут огни –
 Блеск их с пылом хозяйским спарен.
 Опустились руки твои,
 Что воспеты рязанским парнем.

В непорочной твоей груди
 «Новых» чых-то гремит попойка.
 Им не выплнешь: «Прочь уйди!»
 И не скажешь: «По-русски пой-ка!»

На твой радужный стон, Шаганэ.
 Взыв над Питером как спасенье.
 Не откроет дверь сатане
 В ту страну, где поёт Есенин.

И станцуем вместе
 под тальянку трое...
 С. Есенин

Ну, попробуй, кто-нибудь,
 расстрой-ка
 Встречных песен окрыленный строй.
 Если ради них забыла тройка
 На погосте вечный свой покой!

Гой еси, Есенин, Клюев и Васильев –
 Солнечная зримость колеса!
 Знать, не зря певцов своих Россия
 Над пучиной века пронесла.

Облака малиново тараня.
 Вы летите на мечях лучей.
 Заживляя вешним словом раны.
 Пригвозждая новых палачей.

Вы, не мной оплаканные, трое. –
 Стихотворцев временных родней.
 Хлещет мне по сердцу радость-горе
 Запаленным вихрем ваших дней.

От него поля звенят запевно –
 Никаким не срежешь резакон.
 Расцвела я в Питере, царевна,
 Венчанная русским языком...

Борис Орлов

...Проскакал на розовом коне.
 С. Есенин

Листья – всполохи огня,
 Тучу к роце ветер чалит.
 Как сентябрьская стерня,
 Сердце выжжено печалью.

Я и ветер – мы одни,
 И покой, и тяжесть в теле.
 Гаснут, словно стички, дни –
 Даже чувства отсырели.

Листопадовый огонь
 Мёртвым дождевиком остужен.
 Но туман, как синий конь,
 Воду пьёт из желтой лужи.

Осень – близкая родня,
 Под окошком куст завянет.
 И ускачет от меня
 Пьяный ветер на тумане.

*Глеб Горбовский***ДОРОГА
 В КОНСТАНТИНОВО**

Трава тяжёлая от пыли.
 Ночь в проводах жужжит,
 как имель.

...А ведь Есенина убили,
 не вызвав даже на дуэль.
 За красоту, за синь во взгляде!
 Так рвут цветы, так мнут траву.
 Его убили в Ленинграде,
 где я родился и живу.
 И, чтоб не мыслить о потере,
 снесли тот дом, где он... затих.
 Но и в фальшивом «Англетере»
 витают боль его и стих...

...Вчера, сложив печаль в котомку
 и посох взяв опоры для,
 я вышел в призрачных потёмках,
 тайком из города – в поля,
 туда – в зеленое... Где птицы...
 Где нам глаза его цвели...
 За убиенного в столице
 просить пощады у Земли...
 1989

Юрий Шестаков

Если крикнет рать святая:
 «Кинь ты Русь, живи в раю!» –
 Я скажу: «Не надо рая,
 Дайте родину мою!»

С. Есенин

Мир к погибели несется! –
 Там, в неведомой дали
 Отгорит, остынет Солнце,
 Оборвется жизнь Земли.

Небо в свиток ангел скрутит,
 И за гранью смертных дней
 Стран земных уже не будет,
 Даже родины моей.

В прошлом сгинет безвозвратно
 Наша прежняя юдоль,
 И наступит ноль пространства,
 Времени земного ноль.

Но, вовек не умирая.
 Помня брэнной плоти груз,
 В самых светлых сферах мая
 Будет жить святая Русь!

Петербург – Петроград – Ленинград

Юрий Наркеев

Визит к Мастеру

... Дом на Офицерской улице, где жил Мастер, ничем не выделялся среди многих тысяч домов Петрограда: обычный доходный дом, серый, обшарпанный, с глухим двором, выходящим на полупустынную набережную речки Пряжки.

Здесь вообще было безлюдно. Неподалеку дымили фабричные трубы, заволакивая робкое мартовское солнце унылой пеленой. На сером снегу у парапета шумно пировали вороны, радуясь первому теплу после недавних морозов.

Невольно подумалось: тоскливое место. Это днём. А вечером? А ночью?

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет...
Исхода нет.

Повторяя эту фразу, он долго стоял на набережной, скользя глазами по глухим окнам дома, не решаясь войти в ворота, ведущие во двор, где находился чёрный ход. С парадного хода идти не рисковал.

Поднимаясь на верхний этаж по узкой лестнице, считал щербатые ступени: загадал желание на чёт и нечет. Если выйдет нечет, значит...

Всё получилось вовсе не так, как представлялось: хозяина не было дома. Не оставалось ничего другого, как оставить записку, нацарапанную тут же в дверях под бдительным оком домашней прислуги:

«Александр Александрович! Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти в 4...»

На миг задумался, и решительно приписал: «С почтением С. Есенин».

По словам прислуги, Блок, ушедший с утра по редакционным делам, должен был вернуться домой к трём: у него был четкий распорядок дня. Приурочить свой визит к нему к этому часу было бы бестактно: надо же отдохнуть человеку! Поэтому и остановился на четырех – и дело сделать засветло и засветло же определиться с ночлегом.

А пока можно было побродить по городу.

Валенки, слава богу, были сухими. В этом районе города не было той слякоти, что на вокзале, а кроме того, обувку надёжно защищали калоши. И сундучок был не в обузу, тем более, что и поклажа была невелика: выходная рубашка с галстуком, смена белья, туалетные принадлежности, несколько тощих московских журналов с публикациями и с десяток стихов, написанных за последнее время. Сундучок еще крепенький и притом лёгкий, но вот ходить с такой штукой по столичным улицам неловко: сразу видать, что лапоть деревенский пожаловал. «Деревенский? А хоть бы и так. Вон Ломоносов тоже из глухого утла с рыбным обозом в Москву притопал. Тоже, поди, иные поспеивались: с суконным рылом да в калашный ряд. А ничего! Всё одолел ради великой цели. Так что выше голову, Сергуха, – как любит говаривать дед. – Встречают по одежке, провожают по уму. Дай срок! Косопузая Рязань себя еще покажет!»

После посещения трактира, где с удовольствием (и, главное, недорого!) навернул порцию горячего рассольника, и вовсе приободрился. «Теперь не то что к Блоку, теперь и к Господу Богу нипочём!»

А для начала – в книжный магазин: не купить, так посмотреть. Его внимание привлекли прежде всего поэтические сборники. Отметил про себя: стихов Александра Блока на витринах не было. Продавец пояснил, что книги поэта в магазине не залеживаются: сотоварищи много развелось в последнее время поклонников и поклонниц.

Столичные поэты были представлены весьма широко. Рядом с вызывающе яркими обложками футуристических книг с невероятными названиями теснились более скромные с виду эгофутуристы. Ни те, ни другие интереса у молодого литератора не вызывали. Первые – Маяковский и Хлебников – сотоварищи – были задиристы, даже нахальны, придумывали свой язык. Они отрицали всех и вся, устремляясь в будущее, и величали себя не иначе, как «будетляне». Эгофутуристы со своим «королём» Игорем Северяниным жеманничали перед публикой, зачастую теряя чувство меры и вкуса. Символисты – другое дело: гвардия чеканных строф, благородное собрание образов. В их стихах звенела бронза! И это были имена: Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Федор Сологуб... А вот – новое направление в литературе, молодая поросль – акмеисты: Николай Гумилёв, Анна Ахматова, Сергей Городецкий...

Перелистывая книгу за книгой и мимоходом отмечая про себя удачные строчки авторов, молодой стихотворец невольно думал об удивительном многообразии русской поэзии и, конечно, о том, сумеет ли он найти своё собственное место в её тесных рядах? Не слишком ли он самоуверен? Не переоценивает ли свои силы? Отдельные удачи – не в счет: даже у слабых авторов порою встречаются приличные образы. Конечно, без таланта не может быть успеха, но одного таланта мало. Нужна серьёзная работа, общение, нужна среда. Московский Суриковский кружок, членами которого были поэты-самоучки из народа – это как школа первой ступени. Университет Шанявского, который открыт для простого народа, тоже не потолок, хотя горизонты расширил. Здесь познакомился с интересными людьми, среди которых были и поэты, и неплохие: Николай Колоколов, Иван Филипченко, Вася Наседкин... и все-таки все дороги вели в Питер, где давно уже сформировался крепкий центр русской культуры. А что – Москва? Как ни крути – провинция...

Его размышления прервал строгий голос продавца:

– Ну с, молодой человек, выбрали что-нибудь? Вот уж битый час вы листаете книги, одну за другой, переверотили весь прилавок. Покупайте – и читайте себе на здоровье: здесь магазин, а не читальный зал библиотеки.

– Разве я кому-нибудь мешаю? – обиделся посетитель. – Или вы боитесь, что я запачкаю книгу или порву? Напрасно, я человек аккуратный. А если я полистаю одну-другую книгу, никакого убытка вам от этого не будет.

– Убытка-то, может, и не будет, но и прибить тоже невелика.

«Вот лавочник проклятый, – думал, покидая магазин, молодой провинциал. – Одежда моя не глянулась... Небось, приди я сюда в шубе медвежьей да в шапке собольей, крутился бы этот сукан сын передо мной мелким бесом. Сам бы товар выкладывал! Ну да чёрта ли в нём?..»

К четырем часам, нагулявшись вволю по улицам и переулкам, Есенин вернулся на Офицерскую, к уже знакомому дому. Прежде чем нажать кнопку звонка, сплюнул через левое плечо и, сняв шапку, торопливо перекрестился.

За дверью послышались легкие шаги, щелкнул замок. На пороге стоял стройный, выше среднего роста человек в строгом светло-коричневом костюме, коротко стриженный, с немного откинутой назад головой.

– Вы очень пунктуальны, – заметил он негромко, пропуская гостя и протягивая ему руку. – Здравствуйте. Вы – Есенин? А я – Блок.

Так просто! Рука Блока была узка и прохладна, но рукопожатие вышло по-мужски крепким.

Оценив смущение гостя и не выпуская его руки из своей, вежливо спросил:

– Как ваше имя-отчество?

– Сергей... А по батюшке – Александрович.

Блок слабо улыбнулся и показал на вешалку.

– Раздевайтесь, снимайте ваши калоши и прошу в кабинет – ведь у вас дело, как я понял, серьёзное и нам удобней будет там, не так ли?

Только теперь Есенин заметил, что глаза у хозяина дома были не зелеными, как почёму-то казалось прежде, а серо-голубыми и усталыми, а уголки губ скорбно опущены.

«Как должно быть одинок этот человек, первый поэт России! Видно, слава не всем приносит счастье, – подумал с сочувствием гость. – Как он изменился! Как мало походит на свой знаменитый портрет с поэтической шевелюрой, в бархатной блузке с отложным воротничком, со скрещенными на груди руками – тот хрестоматийный образ, который постоянно возникал в памяти при мыслях о поэте! Видать, годы не прошли для него даром. Да и кого они шадят?»

Новый Блок был совсем другим и, пожалуй, встретить его Есенин где-нибудь на улице – не признал бы нипочём. Да и на пророка хозяин дома походил мало – разве что гордо посаженной головой. А этот негромкий, глуховатый, монотонный голос? Поэт? Скорее, мелкий чиновник, заурядный горожанин. Неужели это его строки? –

Гармоника, гармоника!

Эй, пой, визжи и жи!

Эй, желтенькие лютики –

Весенние цветки!..

Или вот это, из цикла «Заключение огнем и мраком»?

О, весна без конца и без краю –

Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!

И приветствую звоном цита!

А тут – «Здравствуйте. Вы – Есенин? А я – Блок...»

Просто!

(Из книги «Никакая родина другая»)

Стозвоны Руси

Моё читательское знакомство с поэзией Есенина было не совсем обычным. Одноклассник по машиностроительному техникуму дал на ночь томик стихов поэта со страстным заговорщицким шепотом: «Никому ни-ни...»

После бессонной ночи долистывал я этот томик во время классных занятий, тайком держа его под крышкой стола на коленях. Чтение запретного каралось строго. Учителя «оберегали» нас от «тлетворного влияния» есенинской поэзии. Шли 50-е годы двадцатого столетия. Поэт посмертно продвигался тогда от запрета к полужаплету. До свободного авторского выхода к читателю Есенину предстояло прошагать еще десятилетие.

В шестидесятые годы на подписку полного собрания сочинений Есенина (Драматическую поэму «Страна негодяев» в собрание это включить не решились. – Ред.) стояли большие очереди. И наконец, голубой пятитомник с березкой на обложке стал на мою книжную полку. Можно было перечитывать не только стихи, но и удивительную прозу Есенина.

А озноб по коже от давнего, первого прикосновения к его стихам помню до сих пор. Я тогда переживал затяжной период прощания с деревней, осваивал сугубо городскую профессию. А тут вдруг словно послание из родной Андреевки...

Пронзительно остро, ярко и точно поэтическая интонация Сергея Есенина доносила до меня многообразный уклад деревенской жизни. Слово пелена с глаз спала: всё виделось красочным, картинным, многозначным. В пейзажных стихах поэта было много простора, синевы, голубизны – удивительная словесная цветопередача. Особое восприятие, сердечное зрение.

На первый взгляд рязанские раздолья ничем не отличаются от других пейзажей России. Но стоит присмотреться к ним сквозь призму есенинского восприятия, увидишь столько отличительных нюансов и начинаешь понимать, что, к примеру, в Сибири всё в природе плотнее и гуще и другие колористические окраски.

Чтобы глубже понять творчество поэта, надо побывать на его родине. Здесь еще сильнее ощущаешь могучее русло есенинской поэзии: без всеохватной любви к малой родине не возникает глубокого почтения всей истинно российской шири.

Певучесть есенинских строк общеизвестна, среди многого, написанного композиторами-песенниками, мне особо по душе музыкальный цикл Георгия Свиридова. Есть в этом цикле и звучное, раскатистое стихотворение, написанное четырнадцатилетним Есениным: «Поёт зима, аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка...» Приезжая на каникулы в родительский дом, мы с братом ставили на проигрыватель грамзаписи и над серыми крышами домов плыли величавые стозвоны. Среди деревенского раздолья с особой проникновенностью звучали есенинские стихи в музыкальном обрамлении. С пониманием воспринимались и трагические ноты в мироощущении поэта. Ему довелось жить и работать на стыке двух эпох – шла жесткая ломка старого уклада жизни. Поэт, пристально вглядываясь в происходящие перемены, с горечью признавался: «...с того и мучаюсь, что не пойму, куда несёт нас рок событий».

И в наши перестроечные дни с особой остротой воспринимается боль и тревога поэта за судьбу России. Мы снова, уже на другом историческом этапе, по-есенински «свиристествуем и мучаемся», живем на родимой земле.

Валерий Новиков, искусствовед.
г. Тюмень.

Из расследования поэта И. Лыцова

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...
(С. Есенин «Русь Советская», 1924)

«...Убийца нанес Есенину удар тяжелым тупым предметом в переносицу и в лоб. Поэт отчаянно сопротивлялся. Свалив на пол, его стали избивать ногами. У поэта были сломаны три ребра, отбиты почки и печень, его били в пах. Поставив стулья на стол и тумбочку, палачи подняли потерявшего сознание Есенина под самый потолок и привязали его к трубе парового отопления. Ввиду большой высоты петля из чемоданного ремня была наскоро перекинута вокруг головы жертвы и не захлестнута. Очнувшись, Есенин попытался освободиться от неё и подтянуть голову выше. Для этого он левой рукой сдвинул ременный круг с шеи к подбородку, а сзади – к затылочной части головы. Правой рукой поэт при этом судорожно схватился за вертикальную трубу, подтянувшись слегка и удерживаясь на весу... Здесь силы оставили его, и, истекая кровью, Есенин скончался, так и держась окоченевшей правой рукой за еле теплящуюся или вовсе холодную металлическую вертикаль... Налетчики перерыли все личные вещи поэта, похитили его рукописи, в том числе, вероятно, и рукописи не известным нам до сего времени произведений. Бандиты вышли из комнаты так же, как они и проникли в неё: при помощи воровского слесарного приспособления, позволяющего открывать и закрывать замок с находящимся внутри его ключом, или же через окно в соседнем, заранее подготовленном номере...» (Гостиницы «Англетер» – Ред.).

Рисунок Ирины Холомьевой

Сергей Макаров

Любите

Подснежник свая

бесстрашнолицый...

И – снег пошел... И – голо всё...

И вот второй весенней птицы

В зенит взвонелось голосьё!

Моторной тягою и конной

Не зря взбодрен большак сырой,

И, как буддийской иконой,

Восток украсился зарей!

Я, в чем не чужа катастрофы,

Я, не жалея мёртвый снег,

Шепчу есенинские строфы –

Сугубо русский человек...

Большак притиснут к перелогу...

И вдруг, откуда ни возьмись,

Забыв обратную дорогу.

Грозой схватили тучи высь!

И гром, как будто в прорубь нерпа,

Упал, но влагу туч отряс...

...Вновь – солнце в рукописи неба

И – радуги цветастый аз.

Вскинь, мать-и-мачеха, ресницы!

Опять нам любо на веку

Ловить второй весенней птицы

Звонкопевучую строку.

И – жаворонку сам Есенин

Внушает: «Звонче голоси!»

И, новизною навесенен.

Целебен воздух на Руси.

Березка во поле, к рассветам

Прильни! Валун, стряхни же мхи!

Я обращаюсь к непозтам:

«Любите русские стихи...»

г. Новгород Великий

Документ нынешних дней:

(О требовании равных прав)

Необходимый эпиграф:

*Всех связали, всех взневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.*

С. Есенин «Пугачёв».

Ниже – сам документ, предложенный «Тюмени литературной» для опубликования:

Правление Союза писателей России
Исх. № 294 12 ноября 2004 г.
**Руководителям областных и региональных
писательских организаций и отделений СП России**
Дорогие друзья!

Несмотря на декларируемую нашими властями приверженность демократическим принципам жизни и гарантированное Конституцией РФ обеспечение равных прав ВСЕХ граждан Российской Федерации, на сегодняшний день писатели России по-прежнему остаются выброшенными из той категории населения, на которую распространяется действие Основного Закона нашего государства и федеральных законов о труде! Около семи тысяч членов Союза писателей России (не говоря уже о других творческих союзах) пребывают сегодня приравненными к членам всевозможных обществ собаководов и любителей пива; написание книг не имеет гарантированной оплаты и не считается общественно полезным трудом, писательская работа не засчитывается в трудовой стаж, и из-за этого крупнейшие сегодня поэты и прозаики оказываются лишены своего конституционного права на пенсию.

Кроме того, в отличие практически от всех других категорий работающего населения, у писателей в настоящий момент фактически отсутствует минимальный размер авторского гонорара за публикацию литературных произведений, что положило бы конец издательскому произволу в отношении писателей.

Есть также целый ряд других проблем, касающихся жизни и работы людей творческого труда, которые требуют самого неотложного законодательного решения и которые бы уже давно могли быть разрешены, если бы был принят Закон о творческих союзах или Закон о статусе творческих работников. Однако в течение нескольких последних лет проекты таких документов всеми силами и способами блокировались то в Государственной Думе, а то и на уровне президентской власти, и сегодня, похоже, уже окончательно похоронены в коридорах российской власти.

В связи со сложившейся ситуацией, секретариат Союза писателей России считает необходимым рекомендовать вам **срочно обратиться к представителю ваших областей и регионов в Государственной Думе и федеральном Собрании РФ с требованием в кратчайшие сроки поставить вопрос о принятии Закона о творческих союзах и Закона о статусе творческих работников**, а также просить их создать для разработки таких законов специальную Комиссию из числа авторитетных писателей России, и как можно скорее устранить эту дичайшую несправедливость, лишаящую мастеров слова законодательной базы для творчества и выводящих их из-под защиты Российской Конституции. Просим связаться с представителями других творческих союзов и предложить им сделать то же самое.

Крайне важно не откладывать осуществление этой задачи в «долгий ящик». Так как отсутствие Закона о творческих союзах и Закона о статусе творческих работников уже сегодня осложняет жизнь (и весьма существенно) всем тем, кто живет писательским трудом и рассчитывает на поддержку своего творческого союза. К сожалению, неоднократные обращения секретариата СП России в Государственную Думу РФ с требованием рассмотрения данного вопроса так до сих пор и не дали положительных результатов, поэтому мы и решили воспользоваться помощью региональных депутатов. У нас нет ныне других помощников, кроме нас самих, а потому надо действовать всеми имеющимися у нас законными способами. Ваше обращение к своим депутатам в Госдуме с одновременным озвучиванием сложившейся ситуации в средствах массовой информации – это действенный шаг к тому, чтобы подтолкнуть высшую власть России к рассмотрению жизненно важных для нас законов.

Искреннее рассчитываем на понимание вами серьезности данной ситуации и надеемся на вашу оперативность.

Секретариат правления Союза писателей России, Высший творческий совет СП России, редакции журналов «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», газеты «Российский писатель» и других изданий СП России.

➤ КОММЕНТАРИЙ «ТЛ»

Документ этот, как явствует дата его возникновения, прошлогодний, а попал к нам недавно; публикуем, поскольку за минувший год вопрос о статусе творческого работника в России не решен. И в данный «исторический период» решится ли?! Слишком далеко и глубоко – в пучину безнравственности, бескультурия, бесстыдия – погрузилась современная российская «элита». В первую очередь – столичная. Даже в патриотической, православной среде не находится лидера, который бы с болью в душе выдохнул: «Братья и сестры!». И сибиряки, как в далеком 41-м, надев валенки и белье романовские полушубки, взяв в руки мосинские трёхлинейки, вновь двинулись бы спасать Москву. Московских писателей (тоже), которым «весьма существенно» трудно житься. Конечно, речь в документе предполагается обо всех творческих работниках, живущих в России. И «трехлинейки» – эпатаж. Но как бы то ни было, всегда – при «проклятом царизме», «сталинском гугаге», «застое» – литературная и культурная политика делалась в столичных кабинетах и коридорах. И весьма результативно!

Сегодня культура и литература, как в советские времена религия и церковь, реформаторами-демократами от государства отделены (?)... Конечно, «ноу проблем» у сионизированных «интеллектуалов» от литературы. Они хорошо встроились, как в далекие авербаховско-троцкистские времена. Обслуживают насаждаемый «новый порядок», которому чужда есенинская боль за Родину.

Будем крыть их ножами и матом,
Кто без сабли, – так бей кирпичом.
Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда,
Не всегда перестроишь наново...

(С. Есенин «Пугачёв»)

Правда, известный критик-миротворец В. Бондаренко все время объединяет «тех и этих», но получается недоразумение: Есенина кроет Бродским, вспоминая, скажем, патриотку Л. Шипахину, вытаскивает из колоды Ю.Мориц... И так далее... Но где уж тут найти этот консенсус среди эстетически разных фигур, когда даже единомышленники, крупные русские писатели, на виду всей Москвы и России колошат друг друга последними словами (материалы газеты «Патриот»). Провинция только руками разводит: дожили! Так кого спасать?

Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?

Хочешь встать – и рукою не можешь двинуться!

(С. Есенин «Пугачёв»)

Честная провинция крепится. Делает выводы. Хотя в провинции есть и свои дельцы. Тут у нас, в Тюмени, два начальника писательских организаций – «патриотической» и «либерально-альтернативной» – устроили соревнование по наращиванию численности «писательских рядов». «Патриотический» доначальствовал с соратниками до того, что благополучно сбежал «на заслуженный отдых», оставив организацию в долгах: ныне Тюменская организация СП РФ, по словам нового ответсекретаря А. Васильева, оказалась ЕДИНСТВЕННОЙ из областных, что не получает финансовой поддержки даже на содержание писательского помещения! Учтя, видимо, сей «опыт», в альтернативном СП с торгашеским цинизмом обилечивают нужных (!) «мзров, пзров» (А. Макашов), авторов производственных книжек, в лучшем случае имеющих отношение к журналистике, технической литературе. И Москва, как «патриотическая», так «альтернативная», очень уж легко выписывает новообращенным членские корочки.

«Опущение» писателей (талантливые не перевелись!) идет повсеместно. Авторы самиздатовских, самопальных книжек, принятые в «профессионалы», уже плодятся себе подобными, претендуют на руководящие должности, губернаторские и прочие премии...

Старый, наболевший разговор... И надо б пожестче наводить порядок в писательском доме!

А документ всецело поддерживаем! Надеемся заинтересовать им местных депутатов Государственной Думы Г.Райкова и Ю.Конева (других не знаем!). Если у них есть боль не только за «медвежь» дела в своей партии и фракции, но и за культуру, духовность в России, обязаны откликнуться?!

Или, в самом деле, мы опять погрузились в то непотребство, о котором русский гений сказал в «Стране негодяев»:

Если хочешь здесь душу выжать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – мировая биржа!
Вот они – подлецы всех стран...

(«Тюмень литературная»)

Мы опять «у забора»...

В четырнадцать лет я уже что-то рифмовал, и меня должны были бы волновать стихи из школьной программы, но не волновали. Первые строки, которые повернули меня лицом к поэзии, это стихи Сергея Есенина:

Нивы сжаты, рощи голы.
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось...

Это как у нас в Исетске, за Теренкульским озером, есенинская осенняя Рязанщина...

Говорят, что у человека в течение жизни несколько раз происходит переоценка ценностей и на одни и те же вещи и события смотришь по-разному. Перечитывал несколько раз своего великого тёзку и каждый раз находил в его стихах что-то новое. Как будто до определенного времени некоторые его стихи не открывались мне.

Вот строки об Иисусе Христе:

Опять его вои стегают плетьюми
И бьют головою о выступы тьмы...

А ведь это не только Иисуса, но и нас с вами бьют, потому что мы вслед за ним идём по этой грани – между тьмой и светом, и это нас нет-нет да и стукнут, или сами ударимся о тёмные выступы, когда разуверимся в светлое или расслабимся и забудем, что тьма рядом...

Я учился у Сергея Есенина и учусь, как надо писать и чувствовать.

Далёкие, милые были.
Тот образ во тьме не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас.

Еще как! Жаль, что гомосапиенсы не дорожат теми, кто их любит. А ведь любят нас единицы из шести-то миллиардов человек, населяющих нашу планету.

Есенин умел дорожить этой любовью. Как он сказал в стихотворении «Собаке Качалова»:

Ты за меня лизни ей нежно руку
За всё, в чем был и не был виноват...

Эти стихи прошли через мое сердце. Я думаю, что ни один мужчина не останется равнодушным к этим строчкам, потому что это настолько жизненно...

Недавно проезжая по родному Исетскому району, уныло смотрел на развалины некогда крепких колхозных и совхозных хозяйств. Здания молочных ферм пусты, без окон и дверей. Мастерские в запустении, ржавеют остатки техники. А это значит, что в деревне нет работы. А мужику без работы – тоска. Сначала – пиво, потом водка, самогон, брага, а дальше всё, что горит, одеколон, например. Если в деревнях частично спиваются взрослые, то в городах молодежь наркоманивается.

«Несчастье утомительно и для тех, кто смотрит со стороны», – вспоминаются чьи-то слова. А я не со стороны – я русский, местный, мне тошнóхонько и зло берет на продажных политиков. Если бы Сергей Есенин видел современную жизнь, я думаю, что он не очень удивился бы, потому что как всякий гений он предвидел, пророчествуя еще в 1916 году:

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озёрам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Прошло почти сто лет, а мы всё еще «у забора». Точнее, опять.

Хорошо, если хотя бы через новые полвека эти стихи потеряют свою злободневность и оставят грядущим поколениям только светлую красоту и нежность есенинского слога.

Сергей Камышников,
г. Тюмень.

Рисунок Ирины Холомьевой

Невозвратное время!
Невозвратное время!
Пью за Русь!
Пью за прекрасную Русь.
Разве нынче народ пошел?
Разве племя?
Подлец на подлеще
И на трусе трус.
Отцвело навсегда
То, что было в стране благородно.
Золотые года!
Ах, Авдотья Петровна,
Сыграйте, Авдотья Петровна,
Вальс,
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».

С. Есенин «Страна негодяев»

Наша национальная гордость

В школьные годы, в десятом классе, для одного из сочинений я выбрала тему: «Любовь моя, Россия!» И сразу тогда пришли на память стихи Есенина:

Спит ковыль. Равнина дорогая.
И свинцовой свежести полынь,
Никакая родина другая
Ни вольет мне в грудь мою теплынь...

Стихи эти, как нельзя лучше, подходили для эпиграфа к сочинению. С тех пор для меня слова: Родина, Русь, Есенин – слова-синонимы. Есенин, как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, неотделимы от понятия «Россия». Эти имена – наша национальная гордость, мерило самого светлого в нашей жизни.

Все одинаково прекрасно у Сергея Есенина: песни, стихи, баллады, поэмы. Лирика поэта естественна, как дыхание. В ней простота и ясность, выразительность, точность.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилегло ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Годы тяжелых бедствий смогла ли бы перенести Русь, не будь в ней таких патриотов, таких поэтов, как Сергей Есенин!
Галина Чернукулова, г. Тюмень.

Владимир Корсаков
НА РОДИНЕ ПОЭТА

*Расцеловало зорькой малиновой,
 Вплыло солнце*

в село Константиново.

*Снова стёжка-дорожка светла.
 И лучи золотятся рассветные,
 И впадают сквозь окна приветные
 В дом, где Снегина Анна жила!*

*На сторонке Сергея Есенина
 Белым цветом черемуха вспенена,
 Хороводит березки весна,
 И охвачен я дуною странною –
 В этом доме*

мы встретились с Анною.

Словно тут и доныне она.

*На экскурсии дети и взрослые,
 А за окнами – травушки росные,
 Люди к дому идут и идут.
 И душа у людей навесенена, –
 Словно снова услышат Есенина,
 И прочтет им поэму он тут.*

Перевел с мокша-мордовского
 Сергей Макаров.

Благодатный Дмитрий

МОЯ МАМА И ЕСЕНИН

*Где твой голос воронёный,
 Безморщинный лик?
 Сельской тропкой немудрёной
 Век идешь, как миг...
 Вот струнишь по лобной наледи
 Ослабевший шаг –
 К сыну в гости, словно на люди,
 Перешла большак...
 Провожу родную в комнаты.
 Долго смотришь незнакомо ты
 На Есенина портрет,
 Головой киваешь зыбкою,
 Будто друга узнаёшь.
 С молодеющей улыбкою
 Шепчешь: «До чего хорош!»
 Всё глядишь на кури пшеничные,
 Плат руками серебра.
 Что стоишь ты отрешенная,
 Юной вспомнила себя?
 Пела как, любила искренне,
 Знать, напев твой не иссяк.
 И на фото гляну пристальней,
 Вдруг спросила: «Наш земляк?»
 Отвечаю ей на это,
 Плечи дробные обняв:
 «Для рязанского поэта
 Все в Болгарии – родня!
 Вешней песней над Россиею
 Стих его прополыхал.
 Песен звонче и красивее
 Я на свете не слышал...»
 Внемлет мама.
 Под сединами
 Ярче очи, взгляд новей,
 Словно мать она единая
 Для обоих сыновей.
 Перевела с болгарского
 Алина Мальцева.*

Связь небесной души

Первая моя встреча с поэзией Есенина случилась в Ленинграде. Неожиданно, взволнованно, празднично...

В тот год я поступал в пединститут народов Севера имени Герцена. Направления окружного отдела народного образования из Ханты-Мансийска у меня не было, но я рискнул, впервые в жизни сел в поезд, поехал в этот город, так было велико желание учиться. Не остановило и безденежье. Когда добрался до северной столицы, устроился в общежитие на улице Желябова, в кармане оставались последние рубли. На них я и купил в Доме книги томик стихов Сергея Есенина.

В институте мне сказали: жди, возможно, освободится место после строгой врачебной комиссии, выдержавших экзамены абитуриентов. Действительно, если врачи обнаруживали у кого из северян хотя бы намек на возможное заболевание в новом климате, отправляли человека домой. На это я и надеялся...

Предоставленный самому себе, я уединился с томиком Есенина в Александровском саду. Мне, деревенскому парню, сразу стала по душе восторженная влюбленность поэта в родные березки, луга, в простых, искренних и честных людей, в небесную высь с печальными журавлиными кликами.

Стоял сентябрь. С нежным шелестом ложились на страницы томика, на плечи мне опадающие каленые листья кленов. А из книги лились в мою душу песенные слова:

Выткался над озером алый цвет зари,
 На бору со стонами плачут глухари.
 Плачет где-то иволга,
 Схоронясь в дупло,
 Только мне не плачется,
 на душе светло...

И возникал передо мной отеческий дом, у крыльца которого тянулись в небо священные лиственницы с глухарями на ветках. Древние птицы замороженно встречали здесь зарю.

И новые строки волновали сердце:

Если крикнет рать святая:
 «Кинь ты Русь, живи в раю!»
 Я скажу: «Не надо рая,
 Дайте родину мою!»

Всё вокруг отвечало чувствам распахнутой души Есенина: ликующие купола Исаакиевского собора, бездонная, осязаемо влекущая к себе, лазурная высь, лазоревая паволока Невы.

Когда же поэтические строки пели сквозь слезы о сыновней любви ко всему существу на свете, о страданиях своих в поисках желанного пути, то невольно увлажнялись глаза ответной слезой:

Я теперь скупее стал в желаньях,
 Жизнь моя?

Иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью
 Проскакал на розовом коне...

Вторая памятная встреча с Есениным-поэтом случилась в его родном селе Константиново в период моей учебы на Высших литературных курсах в Москве. Нам организовали экскурсию на автобусе в эти незабвенные места. В дороге мы пели песни на слова Сергея Есенина, любовались пейзажами срединной российской земли.

Распахнутые бескрайние просторы открылись нам с крутояра села. Так и хотелось воскликнуть стихами Есенина:

Гой ты, Русь моя родная,
 Хаты – в ризах образа...
 Не видать конца и края –
 Только синь сосет глаза...

Хотелось запомнить каждую деталь восстановленного дома поэта, где он жил, берез, к которым прикасался. Зеленые луга за рекой, – здесь паренек Сергей косил сено. Убегали вдаль полевые дороги – и маленьким, и взрослым Есенин любил шагать к утренней заре.

В полдень все пошли к реке купаться. Я задержался у красивой высокой березы на склоне крутояра. Я почему-то уверился, что Есенин бывал у этой березы, возможно, что в детстве взбирался на дерево, признавался же он в биографии – «любил лазить по деревьям».

Непонятная сила заставила меня гладить ствол березы, трогать трепетные ветви. И вдруг я ощутил с высоты ласкающе теплый приток воздуха, словно близко надо мной пролетела незримая птица. Приятно закружилась голова. Я замер на мгновение от волшебного действия воздуха. Друзья махали мне руками, звали к себе, что-то кричали. Но я не слышал их голосов, хотя они находились недалеко. Я стал каким-то невесомым. Шел к реке, не чувствуя ног, своих шагов, словно летел...

– Что с тобой? – спросил меня поэт Геннадий Суздальев. – Чему-то улыбаешься, светишься...

– Неужели? – опомнился я. – Знаешь... прилетел такой ласковый и свежий порыв ветра, что я просто забылся... Странно и удивительно здесь...

Так, благодаря Сергею Есенину, я поверил позднее в бессмертие души великих людей, поэтов, в частности.

Сила поэтического слова способна разбудить, оживить в человеке уснувшие чувства, позвать на – неожиданные для него самого – добрые и смелые дела.

Спасибо душевное тебе, Сергей Александрович! Царствие тебе небесное.

Андрей Тарханов,
 г. Ханты-Мансийск.

Юрий Паркаев

* * *

На Ваганьковском кладбище,
Слева от главного входа,
На одной из дорожек
Стоит указательный знак.
Впрочем, память людская,
А стало быть, память народа,
Путь-дорогу к Есенину
Издавна знает и так.

Возле этой судьбы
Неуместны казенные речи,
Ибо песни поэта
Народ возле сердца хранит.
Здесь клокочут стихи,
Здесь горят негасимые свечи,
И сугробы цветов
Согревают печальный гранит...

...Он цветы обожал:
И садовые, и полевые,
И, как братьев своих,
Называл поименно на «ты»,
Потому, что и сам
Был цветком в чистом поле России,
Драгоценной частицей
Негромкой её красоты.

И когда уходил
В молчаливый простор Мироздания,
И когда растворялся
В метельном кипенье зимы,
Он успел, уходя,
Всем любимым сказать:
— До свиданья! —
В знак того,
Что, расставшись,
Когда-нибудь встретимся мы.

Над его головой
Распевают беспечные птахи,
Хорошеет березка
В предчувствии новой весны...
...Льноволосяй колдун
В белоснежной славянской рубахе.
Самый синий цветок
В разнотравье великой страны...
1988

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, —

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».
С. Есенин.

Русские поэты, студенты Литературного института — у Сергея Есенина.
Москва. Тверской бульвар. 3 октября 2004 года.

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов,
коллектив редакции.

Газета зарегистрирована Министерством печати
и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции,
Ханты-Мансийская писательская организация, област-
ное общество русской культуры, объединение рус-
ских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печа-
ти» комитета по печати и средствам массовой ин-
формации Курганской обл., 641870, г. Шадринск,
ул. Спартака, 6. Подписано в печать 15.08.2005.
Тираж 500 экз. Заказ № 1081.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. ПЯТКОВОЙ.
Корректор В. БУМАГИНА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят
и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать
с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

